

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2686–9969–2025-8-5-134-146

УДК 821.512.141.09 (470.57)

EDN BUYUJT

**ПОСТСОВЕТСКАЯ БАШКИРСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА:
ИДЕЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА****Айнур Оскарович Хужахметов**

Уфимский университет науки и технологий

г. Уфа, Россия

khuzha@mail.ru

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются ранее мало исследованные художественные произведения башкирской литературы. Постсоветская историческая проза является специфическим художественным продуктом, с одной стороны, продолжающим традиции советской романистики. С другой – наблюдаются существенные изменения в содержании и форме изложения, обособление от предшествующих принципов советского историзма. Масштабная ревизия истории в рамках евразийских концепций, поиски национальной идеи, построение сюжетных линий вокруг различных героев прошлого становятся значимым фактором. **Методы исследования:** сравнительный, историко-филологический, историко-системный, ретроспективный и др. **Результаты.** Историческая полемика Я. Хамматова и Б. Рафикова вокруг образа Карасакала выливается в создание художественных романов. Образ Салавата Юлаева обрывает новыми интерпретациями: от «борца против феодализма и царского режима», «протореволюционера-интернационалиста» до «борца за суверенитет» башкирского народа, «сторонника федерального устройства России» и «подвижника Ислама». Трансформации подвергается и образ Шайхзады Бабича. Если у Г. Шафикова поэт – ведомый, зависимый и физически слабый мученик, то у Н. Гаитбая – талантливый молодой человек с жизненными метаморфозами, попавший в перипетии стремительных, неотвратимых исторических событий, сделавших из него певца башкирского народа, новатора поэтического искусства. А у Г. Хисамова Ш. Бабич – рассудительный и серьезный общественный деятель. **Выводы и заключение.** Таким образом, башкирская историческая проза в

постсоветский период становится многовекторной по тематике и содержанию. Возникновению тех или иных произведений определенного направления способствуют веяния времени, изменения идеологической парадигмы, спонтанность и динамичность эпохи, а также предпочтения и запросы общества и др. Синтез жанров, эксперименты со смысловой нагрузкой сюжета, композиционные новинки, новые темы и проблематика, психологизм, трагические и драматические финалы – все это является маркерами современной исторической башкирской прозы.

Ключевые слова: постсоветская историческая проза, биография, полемика, национальная идея, художественный образ

Для цитирования: Хужахметов А.О. Постсоветская башкирская историческая проза: идея сквозь призму художественного образа // Педагогика: история, перспективы 2025. Том 8. № 5 . С. 134-146

DOI: 10.17748/2686-9969-2025-8-5-134-146

***Благодарность:** Авторы признательны рецензентам за проведение слепого рецензирования и ценные замечания, способствовавшие совершенствованию статьи.*

Original article

POST-SOVIET BASHKIR HISTORICAL PROSE: THE IDEA THROUGH THE PRISM OF ARTISTIC IMAGE

Ainur O. Khuzhakhmetov

Ufa University of Science and Technology

Ufa, Russia

khuzha@mail.ru

Annotation. Introduction. The article examines previously little-researched works of fiction in Bashkir literature. Post-Soviet historical prose is a specific artistic product, on the one hand, continuing the traditions of Soviet romance. On the other hand, there are significant changes in the content and form of presentation, isolation from the previous principles of Soviet historicism. A large-scale revision of history within the framework of Eurasian concepts, the search for a national idea, the construction of storylines around various heroes of the past become a significant factor. The historical polemic of Y. Khammatov and B. Rafikov around the image of Karasakal translates into the creation of fiction novels. The image of Salavat Yulaev is overgrown with new interpretations: from

"a fighter against feudalism and the tsarist regime," "a proto-revolutionary internationalist" to the "fighter for the sovereignty" of the Bashkir people, "a supporter of the federal structure of Russia" and "an ascetic of Islam".

The image of Shayehzada Babich is also undergoing transformation. If G. Shafikov has a poet - a driven, dependent and physically weak martyr, then N. Haitbay has a talented young man with life metamorphoses, who fell into the vicissitudes of rapid, inevitable historical events that made him a singer of the Bashkir people, an innovator of poetic art. And G. Khisamov Sh. Babich is a judicious and serious public figure.

The following methods were used in scientific research: comparative, historical-philological, historical-systemic, retrospective, etc.

Keywords: post-Soviet historical prose, biography, controversy, national idea, artistic image

For Citation: Ainur O. Khuzhakhmetov Post-soviet bashkir historical prose: the idea through the prism of artistic image. Pedagogy: History, Prospects 2025. Vol. 8. No.5 . P. 134-146 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2686-9969-2025-8-5-134-146

Acknowledgments: *The authors are grateful to the reviewers for conducting a blind review and for their valuable comments that contributed to improving the article.*

Введение

Башкирская литература советского и постсоветского периодов представляет собой не только отражение индивидуальных исканий, но и уникальное явление общего сознания, представляющее собой труд коллектива. Каждое произведение, прежде чем стать печатным, проходит через фильтр регионального Союза писателей, сталкиваясь с мнениями, предложениями и замечаниями коллег, и в итоге становится носителем общей, типичной для национальной мысли.

Особенностью башкирской литературы второй половины XX века – начала XXI века является преобладание исторической парадигмы. Проза, драматургия и, впоследствии, поэзия обращаются к прошлому башкирского народа, начиная с древности и заканчивая 1990-ми годами. В советский период эта обращенность служила утверждению советской идеологии в контексте национального самосознания. В постсоветское время она перерастает в рефлексии идеалов национального суверенитета, подтверждая уникальную роль башкир в судьбе Урало-Поволжья и России в целом. Таким образом, башкирская литература XX века как социальный институт демонстрирует явную обособленность от предшествующей истории словесности [1].

Обзор литературы

За последние десять лет по тематике башкирской исторической прозы издано очень много крупных научных трудов, в том числе монографического характера. Среди них известные: «История, одетая в роман» Р.Ф. Хасанова [2], «Поэтика современных башкирских романов» З.А. Алибаева [3]. Интересный подход к анализу исторических романов наблюдается в статье «Этнографический роман Яныбай Хамматова» Ф.Ахмадиева [4].

Результаты исследования и обсуждение

На 1990-2000-е годы приходится наиболее масштабная ревизия истории. Если раньше прошлое страны рассматривалось в парадигме “Киевская – Московская Русь – Россия”, то с появлением и распространением новых альтернативных взглядов, в частности евразийских концепций (в том числе трудов М. Аджи, Л.Н. Гумилева и др.), оно претерпело существенные изменения. В поисках национальной идеи и новой духовной парадигмы интеллигенция республики обращается к истории, в особенности к следующим временным отрезкам: борьбе против монгольских завоевателей в XIII – XIV веках, присоединению Башкортостана к Русскому государству в XVI веке, эпохе башкирских восстаний XVII – XVIII веков и башкирскому национальному движению начала XX века. Интерес к архивным материалам, беседы с очевидцами, событий Гражданской войны, НЭПа, индустриализации и коллективизации, родственниками и потомками башкирских государственных и общественных деятелей того времени. Идет процесс фольклоризации культуры, возвращения традиций, обычаев, обращение к родоплеменным атрибутам.

В национальной литературе это увлечение собственной историей, как частью идеологии национального возрождения, стало фундаментом появления ряда значимых произведений. Среди них преобладает крупный жанр – роман.

Признанным мастером башкирского исторического романа является Яныбай Хамматов, чей творческий путь начинается с 1960-х годов с историко-революционного романа, первой и пока единственной в национальной литературе пенталогии «Золото собирается крупицами». Впоследствии он полностью переключается на создание исторической прозы. Творчество писателя отличается бережная, дотошная работа с архивными документами, создание максимальной реальности происходящих событий и полноты художественных образов. Дилогия «Северные амурь», романы «Уходили башкиры на войну», «День рождения» принесли писателю широкую известность и имя «башкирского Вальтера Скотта». Целью этих произведений, ориентированных на панораму двух Отечественных войн – 1812 и 1941-45 годов, было показать огромный вклад башкирского народа в общую победу.

В постсоветский период Я. Хамматов пишет романы «Черное нашествие», «Агидель стремится к Волге», «Салават-батыр», «Комбриг Муртазин», «Сырдарья», «Башкирский хан», в которых продолжает развивать свой писательский стиль. При

этом имеется ряд отличий произведений автора, написанных в данном отрезке времени: акцент на сугубо национальное – башкирское, усиление реалистичности жестоких для башкирского народа эпох, глубинный психологизм сюжета, всеобъемлющее эстетическое пространство трагического. Еще одна особенность башкирского исторического романа, как и большинства образцов мировой литературы такого формата, которой Я. Хамматов придерживается – построение сюжетной линии вокруг значимого деятеля, будь то Карасакал, Салават Юлаев, Кахым-туря, Муса Муртазин и др.

С этой точки зрения представляет литературоведческий интерес сопоставление двух исторических романов, написанных в 1980-1990-х годах и посвященных одному герою – Карасакалу, вождю башкирского восстания 1739-1740 гг. Один, написанный Я. Хамматовым, – «Башкирский хан», другой – «Карасакал» Булата Рафикова. Оба автора берут за основу традиционную научную версию, что Карасакал является башкирским воином по имени Миндигул Юлаев, выбравшим тернистый путь борьбы против своих врагов [5, с. 38-66]. Интересно, что в пику данной версии имеется и другая – выдвинутая еще А.-З. Валидовым и поддержанная некоторыми современными башкирскими историками: Карасакал – не башкир, а прямой потомок Чингисхана из рода Шейбанидов [6].

Для Я. Хамматова цель – раскрыть истинный образ Карасакала, скрытый за пеленой мифов, легенд и песен, сформировать реальный портрет этого человека, появившегося вдруг из недр Средней Азии и провозгласившего себя ханом из джунгарской династии. Хотя, по некоторым документам, он был башкиром Миндигулом Юлаевым, угнанным в детстве в рабство и вернувшимся на Родину авторитетным духовным лицом – хаджи и полководцем. Повествование основывается на трех сюжетных китах: судьба Юлая, отца Миндигула, и связанное с ней детство героя; события, связанные с народным бунтом 1735-1740 гг. и взрослением главного действующего лица; и, наконец, линия его врагов, имперских колонизаторов и их сторонников – Сергеева, Тевкелева, Кирилова, Румянцева, Урусова, тархана Таймаса Шаимова. Восстания XVIII века в романе писателя – это борьба за независимость башкир с имперской властью не на жизнь, а на смерть, с проявлением необъятной жестокости со стороны карателей, использующих геноцид, шантаж и подкуп, натравливание одних народов на другие, одних слоев населения на другие. Писатель скрупулезно подает информацию о количестве войск, уничтоженных и угнанных в рабство, казненных башкир. Описывает, какими изощренными способами, например, князь Урусов казнит руководителей восставших. Автор наглядно показывает слабость человеческой натуры, когда человек в мгновение ока может превратиться в предателя народа и религии, наивность и глупость, нерешительность и неосмотрительность башкирских старшин. Неоднозначной оказывается и личность Карасакала, не сумевшего объединить башкирских повстанцев в единую силу и отступившего в казахские степи, бросив остальных на произвол судьбы, когда стал ясен проигрыш царской имперской военной машине. С позиции Я. Хамматова неэтичным также является

решение Миндигула Юлаева стать лжеханом – неким подобием русского Лжедмитрия, чего многие башкиры того времени не приняли. Перед читателем, таким образом, предстает полная картина всех ошибок и ужасов колониальной войны.

В романе Б. Рафикова имеется полный отход от документализма. Это произведение – художественная версия, фантазия на тему башкирских восстаний середины XVIII века. Как пишет литературовед Р.Ф. Хасанов: «Б. Рафиков в создании образа Карасакала верен духу кубаира, и в романе вырастает фигура национального героя, в облике которого отчетливо проступают элементы героизации, романтизации» [7, с. 79]. Кубаир «Карасакал» с образом верного спутника батыра – коня Карата в центре становится основой развития авантюрно-приключенческого хронотопа в произведении. Для автора Карасакал – рыцарь без страха и упрека, деятельность которого не подлежит какой-либо критике.

Б. Рафиков известен не только как автор специфического «Карасакала», но и романами «Кюнгак» (эпоха VII-IX вв., переселение народов, взаимоотношения башкир с аварами, хазарами и венграми), «В ожидании конца света» (XIII в., венгерский монах Юлиан приезжает во время нашествия монголов в Башкортостан), «Оседланный конь» (XVIII в., жизнь Салавата Юлаева на каторге и его детей в Башкортостане). Их также по аналогии можно отнести к романам-гипотезам.

И в романе «Карасакал», и в историческом полотне «Башкирский хан» сюжеты подводятся к тождественному финалу, как поется в песне из произведения Я. Хамматова, посвященной генералам Соймонову и Урусову [8, с. 26-68]: придут люди, которые отомстят за пролитую кровь невинноубиенных. Так, следуя канве песни, в романе «Башкирский хан» Юлай Азналин со своим маленьким сыном Салаватом встречают возле спаленного дома старика Юлая – отца Карасакала, символизируя этим преемственность лидерства и отсылая к грядущим битвам на полях Крестьянской войны 1773-1775 годов. А в романе «Карасакал» выводится персонаж Юлая Азналина, как чудом оставшегося в живых участника восстания 1740 года, подтверждая данным фактом то, что отец Салавата Юлаева был старым бунтарем и его звездный час еще настанет.

Другое направление исторической прозы, представленное двумя авторами, Газимом Шафиковым и Галимом Хисамовым, близко к магическому историзму, к беллетризации истории. О возникновении беллетризации истории как метода репрезентации истории в литературе исследователь А.М. Лобин ведаёт следующее: «В современном художественно-историческом дискурсе прошлое предстает не как цепь известных событий, связанных причинно-следственными или другими отношениями, а как нечто, не вполне упорядоченное, непостижимое и способное на метаморфозы. Поэтому внимание писателей оказывается направлено на поиск и интерпретацию спорных или малоизученных событий и лиц. Вследствие этого современные художественные концепции истории носят дискуссионный характер и не претендуют на истинность» [9, с. 32-35].

Реабилитация башкирского национального движения начала XX века в художественной литературе вращается вокруг орбиты трех исторических личностей: А.-З. Валидова, М. Муртазина и Ш. Бабича. Безусловно, необходимо учитывать вклад каждого члена из многочисленного Башкирского правительства и их неоценимую роль в борьбе за национально-территориальную автономию Башкортостана. Но для башкирской литературы необходимы были эталоны, символы той эпохи, связующее звено, адепты новой национальной идеи: именно политик, полководец и поэт становятся достойным образным базисом, национальной идейной заменой коммунистическому триединству: К. Марксу, Ф. Энгельсу и В.И. Ленину.

Образ политика-интеллектуала, государственника, его деятельность были необходимы как напоминание, назидание, вектор поведения современному руководству республики. Показать, каким должен быть идеал национального, регионального правителя, опирающегося на местные элиты, каким он должен выглядеть, как должен поступать в том или ином случае, какие слова говорить и т.д. И, конечно же, еще один важный критерий – это молодость героя.

Необходимо было увлечь не только и не столько импровизаторством и богатырской удалью бунтарского образа-символа Салавата Юлаева, взятого из башкирского фольклора, и столь тщательно выпестованного в советскую эпоху в первую очередь русскими писателями, в том числе С. Злобиным (роман «Салават Юлаев») и П. Бажовым (сказ «Старых гор подаренье»), а затем подхваченного и местной творческой элитой.

Такой образ Салавата отвечал веяниям того времени, а также был образцом для советской молодежи, полностью отвечая принципам: служить созданной в горниле революции советской Родине, быть верным комсомолу и коммунистическим идеалам. Образ Салавата Юлаева в течение XX века претерпел несколько метаморфоз: от «борца против феодализма и царского режима», «протореволюционера-интернационалиста» до «борца за национальный суверенитет» башкирского народа, «сторонника федерального устройства России» и «подвижника Ислама». Об этом явлении верны суждения исследователя Михаэля Фридериха: «если верно утверждение, что «от «произведения искусства» ожидают интерпретации действительности», то логичным было бы предположить, что интерпретация произведения искусства должна быть интерпретацией действительности или лучше нее. Если следовать этой мысли вслед за автором, то можно достичь целой запутанной цепочки интерпретаций» [10, с. 21].

Шайхзаду Бабича – первого поэта, который начал писать на родном языке, яркую творческую индивидуальность раскрывает во всей своей многогранности Газим Шафиков в своих книгах: «Последняя вспышка лампы», «И совесть, и жертвы эпохи» [11] и «Расстрел». Ведь башкирской общественности был необходим поэт, резко выделяющийся своей оригинальностью на фоне просветителей и реалистов начала XX века, который не только бы не входил в колючую поэтов советской эпохи, а являлся бы неким их антиподом.

Интересно, как видоизменяется отношение к личности Шайхзады Бабича. В 1920-30-е годы аспирант Зия (Забих) Искужин направленно занимается исследованием его биографии и творчества [12]. Однако после его смерти долгое время просуществует табу на изучение поэзии Бабича. Лишь в конце 1980-х годов филолог Р.Т. Бикбаев «сумел приступить к изданию и изучению литературного наследия талантливого поэта» [13].

Ранний Газим Шафиков с осторожностью подходит к созданию образа Бабича в повести «Последняя вспышка лампы» (1980-е годы): щупленького, невзрачного, болезненного, слишком эмоционально относящегося ко всему происходящему вокруг, не понимающего простых вещей, для объяснения которых всегда возле него оказываются «ответственные товарищи».

В них так же, как и в романе Р. Баимова, подвергаются скептицизму идеи пантюркизма, поэт предстает одиноким, якобы его творчество не принимают ни красные, не принимают якобы и представители Башкирского правительства. Ш. Худайбердин критикует его за устремленность к национальному обособлению, за непонимание революции. Автор устами поэта говорит: «Я начал видеть свою правду на стороне красных. И только там! Они – наши кровные братья» [14, с. 211].

Но уже в романе «Расстрел» [15] (1999) Г. Шафиков делает попытку реабилитироваться, сделав из Бабича уже сильный образ – образ жертвы эпохи, принесшего себя на алтарь свободы, во имя автономного Башкортостана, ведь это усиливает производимый психологический эффект на массового читателя. Шайхзада является жертвой, трагическая смерть которого в 1919 году стала водораздельным камнем, разделившим Башкортостан прошлого и настоящего. После этого уже Башкортостан никогда не будет таким, каким был до смерти Бабича. Создание именно таких «рубиконов» является целью представителей башкирской интеллигенции для сплочения нации, проецируя события форматирования страны начала XX века на постсоветский период истории.

В 2018 году на страницах журнала «Агидель» выходит исторический роман «Бабич» Наиля Гаитбаева [16]. Автор преподносит совсем иной образ поэта, освобожденного от идеологической подоплеки постсоветского национального возрождения. Если у предыдущих писателей Шайхзада – это символ, жертва, рупор автономии, мученик, то у

Н. Гаитбая поэт показан как талантливый молодой человек со своими удачами и неудачами, попавший в водоворот стремительных, неотвратимых исторических событий, сделавших из него певца национального движения.

С этой целью автор берет более ранние пласты биографии. Повествование начинается с доселе неизвестных страниц – периода учительства молодого шакирда в казахских степях. Многие обучающиеся в медресе во время летних каникул уезжали зарабатывать по деревням и селам региона. Шайхзада ведет учебные занятия, влюбляется, и из-за своих чувств попадает в различные неприятные ситуации.

Поэт увлекается Хатирой, одинокой женщиной, матерью своей ученицы, из-за чего настраивает против себя имевшего на нее виды казаха Кумушбая. В один из дней соглашается помочь другу завоевать сердце дочери бая Юмабики, и для этого принимает участие в поэтическом состязании против опытного акына Хажибека. При этом неожиданно для всех побеждает, получает право жениться на полюбившейся ему Юмабике, но из-за данного другу слова, вынужден будет уехать к себе на Родину.

Во время учебы умудряется языком сатиры настроить против себя часть шакирдов медресе «Галия», где сам обучается. Не испугавшись, выходит один на один и в драке побеждает главаря шайки. Удивляет зрителей актерским мастерством, мгновенно преображаясь то в женщину, то в старика, то в подростка и т.д. Влюбляется бесчисленное количество раз. Автор в противовес казашке Юмабике, ищущей встречи с Бабицем, вносит образ Алмагуль, полюбившей поэта и написавшей ему пространное любовное письмо. Заинтригованный Шайхзада, сам творец прекрасного слова, забывает Юмабику и влюбляется в текст незнакомки, ищет ее. Тем самым рождается оригинальный любовный треугольник с острием, обращенным к мужчине.

Из этой аннотации ясно, что автор рисует героя авантюрного, талантливого, смелого, с острым умом и языком, любвеобильного и жизнерадостного. Динамичное время формирует виток приключенческих сюжетов, которые подведут поэта к трагическому концу. Н. Гаитбай в финале рисует картину обычности бытия, что даже казнь, расстрел такого выдающегося поэта лишь на мгновение тревожит мир, но в следующий момент «обратно садятся на ветлы вороны, а на небе плывут облака» (пер.автора) [16, с. 39]. Бытие возвращается на свои круги, оставляя жизнь поэта в объятиях истории, в воспоминаниях друзей, народной памяти, в строчках его стихотворений.

В романе «Февральский буран» Галима Хисамова Шайхзада Бабиц представлен под именем Нурсалих. Автор берет истоки рассказа с февральской революции 1917 года – то есть с того события, которое дало начало новой, либеральной России, в свою очередь, давшей возможность создать впоследствии почву для национального суверенитета в регионах. Главный герой романа, без сомнения, Заки Валиди, но Хисамов параллельно вводит сюжетную линию известного мастера поэзии. Он у Хисамова разительно отличается от живого, романтического «гаитбаевского» Бабица. Автор дает его под другим именем, пробуя в формате весомого идеолога национального движения, транслятора сложных идиом башкирской буржуазной элиты до масс, добавляя ему степенность поведения и зрелость взглядов. При решении ответственной исторической задачи возле глобального, интеллектуального гиганта Валиди отнюдь не нужен очередной Скарамуш – чересчур авантюрный персонаж со страниц романа Рафаэля Сабатини. Поэтому перед читателем возникает образ поэта серьезного, рассудительного, однолюба (любовь к Минзаде), верного соратника Заки, который как Ланселот при первой сложной ситуации оказывает поддержку народного лидера. Один из таких

важных моментов наступает тогда, когда он поэтизирует решение Валиди о переходе на сторону большевиков своим “Посланием башкирскому народу”. Сюжетная канва романа течет плавно, в хронологическом порядке идущих событий, последовательных диалогов. Избегая портить такого идеального героя, близкого к образу современного российского чиновника или банкира в костюме и галстуке, автор намеренно не рисует картину гибели поэта, чего совершали остальные писатели, тот же Г. Шафиков или Н. Гаитбай.

Образ Ш. Бабича претерпевает за двадцать лет значительные изменения. От «метающегося, непонятого эпохой поэта» до «жертвы красного террора» (в творчестве Г. Шафикова), и до «авантюрного героя» (Бабич для романтично настроенной молодежи) или «серьезной личности» (Бабич для зрелых людей). Что является более близким к восприятию современного читателя.

Выводы и заключение

Таким образом, подводя итоги эволюции башкирской исторической прозы в постсоветский период необходимо отметить, что она становится многовекторной по тематике и содержанию. Возникновению тех или иных произведений определенного направления способствуют веяния времени, изменения идеологической парадигмы, спонтанность и динамичность эпохи, а также предпочтения и запросы общества и др.

В поэтическом плане также происходят изменения. Если в башкирской прозе советского периода художественный мир был конкретно локализован в одном месте, в большинстве случаев – в одном населенном пункте, то в прозе постсоветского периода горизонты повествования расширяются. Меняется система образов – появляются новые персонажи. Синтез жанров, эксперименты со смысловой нагрузкой сюжета, композиционные новинки, новые темы и проблематика, психологизм, трагические и драматические финалы – все это является маркерами современной исторической башкирской прозы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Орехов Б.В. Башкирский стих XX века. Корпусное исследование / Б. Орехов. Спб: «Алетейя», 2019. 344 с.
2. Хасанов Р.Ф. История, одетая в роман (башкирская историческая романистика конца XX начала XXI веков). Бирск: Бирский филиал БашГУ, 2015. 226 с.
3. Алибаев З.А. Поэтика современных башкирских романов. Уфа: Самрау. 2020. 286 с.
4. Ахмадиев Ф.В. Этнографический роман Яныбая Хамматова // Ватандаш. 2022. № 5 (308). С. 111-115.
5. Игнатьев Р.Г. Карасакал, лжехан Башкирии (эпизод из истории Оренбургского края XVIII столетия) // Труды научного общества по изучению быта, исто-

- рии и культуры башкир при Наркомпросе БАССР. Выпуск 2. Стерлитамак, 1922. С. 38-66.
6. Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М., 2009. 344 с.
 7. Хасанов Р.Ф. Архетипические мотивы в башкирском историческом романе // Вестник Башкирского университета. 2005. Т. 10. № 1. С. 78-80.
 8. Хамматов Я. Башкорт ханы. Роман // Ағизел. №11-12. 2003. С. 26-68, 18-108.
 9. Лобин А.М. Беллетризация истории как метод репрезентации истории в русской литературе XXI века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3 (78). С. 32-35.
 10. Фридерих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы: монография / М. Фридерих. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 343 с.
 11. Шафиков Г. И совесть, и жертвы эпохи. Уфа, 1991. 223 с.
 12. Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ // URL: <http://miras.info/resources/funds/57-iskuzhin-zija-zabih-gazimovich.html>
 13. Салихов А.Г. Исследования творческого наследия Шайхзады Бабича в 1919-1929 годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2-1 (52). С. 163-167.
 14. Шафиков Г.Г. Последняя вспышка лампы. Повести. Уфа: Башкир.кн. изд-во, 1986. 256 с.
 15. Шафиков Г.Г. Расстрел. Роман. Уфа: Китап, 1999. 464 с.
 16. Гаитбай Н. Бабич // Агидель. №7-11. 2018.

REFERENCES

1. Orekhov B.V. Bashkirskij stih XX veka. Korpusnoe [Bashkir verse of the XX century]. St. Petersburg: "Aletheia," 2019. 344 p. (In Russ)
2. Hasanov R.F. Istorija, odetaja v roman (bashkirskaja istoricheskaja romanistika konca XX nachala XXI vekov) [History dressed in a novel (Bashkir historical romance of the late XX beginning of XXI centuries)]. BirsK: BirsK branch of BashSU, 2015. 226 p. (In Russ)
3. Alibaev Z.A. Pojetika sovremennyh bashkirskih romanov [Poetics of modern Bashkir novels]. Ufa: Samrau. 2020. 286 p.
4. Ahmadiev F.V. Jetnograficheskiy roman Janybaja Hammatova [Ethnographic novel by Yanibay Khammatov]. Vatandash. 2022, no 5 (308). Pages: 111-115.
5. Ignat'ev R.G. Karasakal, Izhehan Bashkirii (jepizod iz istorii Orenburgskogo kraja XVIII stoletija) [Karasakal, a false khan of Bashkiria (an episode from the history of the Orenburg Territory of the 18th century)]. Proceedings of the scientific society for the study of the life, history and culture of the Bashkirs under the People's Commissariat of the BASSR. Issue 2. Sterlitamak, 1922. Pages: 38-66.

6. Tajmasov S.U. Bashkirsko-kazahskie otnosheniya v XVIII veke [Bashkir-Kazakh relations in the XVIII century]. Moscow, 2009. 344 p.
7. Hasanov R.F. Arhetipicheskie motivy v bashkirskom istoricheskom romane [Archetypal motifs in the Bashkir historical novel]. Bulletin of the Bashkir University. 2005. T. 10. № 1. Pages: 78-80.
8. Hammatov Ja. Bashkort hany. Roman [Bashkir Khan. Roman]. Agiyel. 2003, no 11-12. Pages: 26-68, 18-108.
9. Lobin A.M. Belletrizacija istorii kak metod reprezentacii istorii v russkoj literature XXI veka [Fiction of history as a method of representing history in Russian literature of the XXI century]. Philological sciences. Questions of theory and practice. 2017, no 12-3 (78). Pages: 32-35.
10. Friderih M. Gabdulla Tukaj kak ob#ekt ideologicheskoy bor'by: monografija [Gabdulla Tukai as an object of ideological struggle: monograph]. Kazan: Tatars. Prince Publishing House, 2011. 343 p.
11. Shafikov G. I sovest', i zhertvy jepohi [And conscience, and victims of the era]. Ufa, 1991. 223 p.
12. Centr pis'mennogo i muzykal'nogo nasledija IJaLI im. G. Ibragimova AN RT [Center for Written and Musical Heritage IALI named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan]. URL: <http://miras.info/resources/funds/57-iskuzhin-zija-zabih-gazimovich.html>
13. Salihov A.G. Issledovaniya tvorcheskogo naslediya Shajhzady Babicha v 1919-1929 godah [Studies of the creative heritage of Shaikhzada Babich in 1919-1929]. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2015, no 2-1 (52). Pages: 163-167.
14. Shafikov G.G. Poslednyaya vspyshka lampy. Povesti [The Last Flash of the Lamp. Stories]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1986. 256 p.
15. Shafikov G.G. Rasstrel. Roman [Shooting. Roman]. Ufa: Kitap, 1999. 464 p.
16. Gaitbaj N. Babich [Babich]. Agidel. 2018, no 7-11.

Информация об авторе: Айнур Оскарович Хужахметов – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

г. Уфа, Россия.

E-mail: khuzha@mail.ru.

Information about the authors: Ainur Oskarovich Khuzhakhmetov – candidate of Philological Sciences, associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Publishing at the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology.

Ufa, Russia.

E-mail: khuzha@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи
The author have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 02.09.2025.

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision:
10.10.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / The author declare no conflicts
of interests